

ЧАСТЬ I

Дочь Сонька у Розы Федоровны была, что называется, оторви да брось. Вольная, не поддающаяся воспитанию девица. К пятнадцати Сонькиным годкам стала она совсем неуправляемой, как тайфун или извержение вулкана.

Хотя на первый взгляд Сонька была вовсе на вулкан не похожа. Маленькая, худенькая, с прелестной лисьей мордочкой, с востренькими желтыми глазками, с копной светлых кудряшек, подсвеченных оттенками рыжины, словно золотом. Ангел, а не девчонка. Распахнет желтые крапчатые глазищи, хлопает длинными ресницами и с улыбкой выдает очередное вранье: «Я так сегодня в школе устала, мамочка... Представляешь, пять уроков было, и все такие трудные... А еще контрольная по физике была, и сочинение по «Евгению Онегину» писали... До сих пор голова болит, ага... Может, я в школу не пойду завтра? Отдохну лишний денек?»

Так складно врет и так верить хочется! Особенно когда ей в личико взглянешь... Ну как можно такому созданию не поверить? Особенно в те под-

робности не поверить, как и что она про Евгения Онегина писала. Тут тебе и тема лишнего человека, и веяние реализма, и противостояние бездуховного светского окружения народным традициям, в которых воспитывалась Татьяна... Складно так рассказывает, ни на минуту не остановится. И радуется материнское сердце Розы Федоровны — умная девчонка растет, язык подвешен, явные способности к гуманитарным наукам имеет. Надо будет учесть потом, чтобы с поступлением в нужный институт не прогадать...

А потом выясняется, что в тот день, когда сочинение писали, Соньки вообще в школе не было. Прогуляла. И перед этим два дня прогуляла. А где и с кем гуляла — ни черта от нее не добьешься... Сидит и опять хлопает своими огромными желтыми глазищами да улыбается виновато. И видно ведь, что никакого раскаяния нет, а есть одна только насмешка — когда, мол, отстанешь от меня с воспитанием... И хоть криком кричи, хоть слезами горестными залейся — ничего Соньку не возьмет. И нет никакой гарантии, что завтра опять школу не прогуляет, что не подхватит с утра ее подружка Маринка бродить по весенним улицам... И ладно бы вдвоем гуляли, ведь нет! Быстренько у этих «гуляльщиц» мальчишеская компания образовалась и научила всему плохому, чему учат мальчишки-хулиганы таких вот дурочек... А ты бегай, разыскивай ее в подворотнях! Нервничай! А утром, совсем без нервов, надо на работу идти, день-деньской глаза таращить, не выпав-

шись... И крутить в голове одну и ту же надоедливую мысль — за что ей такое наказание? У других дети как дети, а у нее с Сонькой — сплошная война без надежды на победу...

Роза Федоровна на этой почве даже с Маринкиной матерью подружилась, с такой же бедолагой Елизаветой Романовной. То есть поначалу она была Елизаветой Романовной, а потом стала просто Лизой. Тоже растила Маринку одна, без мужа. Тоже в свое время пережила тяжкий развод и такие же тяжкие годы адаптации после развода. И тоже втайне считала себя виноватой в том, что по этой причине упустила Маринку...

Впрочем, эту болезную тему Роза Федоровна в общении с Маринкиной матерью старалась не трогать. Потому что это была ее тема, сугубо личная и горестная. А женское горе, как известно, одинаковым не бывает, у каждой женщины оно горше других свою песню поет. Каждая считает, что уж ее-то предали по-особенному жестоко, не так, как других...

Иногда Розе Федоровне казалось, что она до сих пор плавает в той реке, у которой нет берегов, ни правого, ни левого. Уж семь лет после развода прошло, а она все плавает. И даже на обычное плавание это состояние не похоже, а будто тело ее тащит по дну течение, бьет об острые камни... Вроде и умереть пора без воздуха — под водой же! — а не умирается никак. Двигается перед глазами жизнь, но в ней она не участвует, просто механически продолжает что-то делать. Хо-

дить с работы и на работу, в магазин за продуктами, обед-ужин готовить, Соньку воспитывать... Может, Сонька оттого и бежит из дома, что у нее не мать, а пловчиха ни живая, ни мертвая...

Зато Роза Федоровна по минуткам, по секундам помнила тот день, когда от нее ушел Сонькин отец. Ушел так, будто они с Сонькой для него умерли. Уехал в другой город, ни разу и никак больше не проявился. Сама она его не искала — сил не было. Откуда они возьмутся, если тебя тащит по дну реки и бьет об острые камни и воздуха в тебе нет? Так и тянула Соньку одна. Это в материальном смысле — тянула. А в душевном да человеческом не вытянула, выходит. Упустила. Слишком глубоко нырнула под воду в тот проклятый день, когда муж объявил о своем решении. А может, не сама нырнула, может, это он ее под воду толкнул.

Да, что же было в тот день... А ничего такого и не было. День как день. Обыкновенный. Счастливый. С утра ничего не предвещало, даже погода была хорошая, ни жарко, ни холодно, в самый раз. Можно было прогуляться после работы, да она домой торопилась, нагруженная сумками с продуктами. И радовалась, что купила кусок отличной свежей баранины и сейчас навертит побыстрому котлет. Муж так любит котлеты из свежей баранины... С тушеной капустой... А еще ему надо обязательно рассказать, что на работе у нее намечается сокращение и что она тоже под него скорее всего попадает... И что начальница злится

по этому поводу — не знает, кого оставить, а кого уволить. И что ее можно понять... А если даже начальница ее решит под сокращение подвести, то это ведь не так и страшно, правда? Можно и дома посидеть на хозяйстве...

Она все рассказывала мужу, до самой последней мелочи, — так уж повелось с первого дня. Выворачивала всю себя до донышка, ничего за душой не оставляла. Он и сам ее к этому приучил, и бывало, сердился даже, если подозревал, что образовались у нее некие свои душевные тайны. Поначалу, в первые годы замужней жизни, он даже с каким-то сладострастием копался в ее душе, вытаскивая на свет все, что можно вытащить. И мелкие детские обиды, и переживания по поводу смерти матери и новой женитьбы отца, и тайны первых робких влюбленностей... Так и получилось потом, со временем, что стала она для него полностью прочитанной книгой, от корки до корки. Ни одно слово, ни одна мысль ей самой не принадлежала. Казалось бы — что в этом плохого? Единение мыслей, единение душ, все в общий семейный костер... А только на самом деле никакого единения не было — она это потом поняла. Он в тот костер только ее душу бросал и грелся, вот этой ее отдачей и грелся, а сам ничего туда бросать не спешил. Одним словом, забрал ее всю, ничего своего не осталось. А ей нравилось, да! Отдавала свою душеньку добровольно, еще и нравилось!

А он будто ждал, когда от нее самой ничего не останется. Когда ее душа будет ему только при-

надлежать. Ждал, чтобы выбрать момент и исчезнуть из ее жизни... А ее саму бросил, как ненужный хлам, больше ни на что непригодный!

Да, в тот вечер она успела-таки наvertеть да пожарить бараньи котлетки. Еще и радовалась, что дорогой муж на работе задерживается. Вдруг раньше придет, а ужин еще не готов? А когда пришел, долго не могла понять, о чем он таком говорит...

— Роза, я от тебя ухожу. Собери мои вещи, я прямо сейчас ухожу. Ты слышишь меня, Роза?

— Да, слышу... Тебе две котлетки положить или три? Я сделала с румяной корочкой, как ты любишь... Такая баранина попалась хорошая, просто наисвежайшая! Правда, я хотела свиные добавить в фарш, чтобы нежнее было, а потом подумала, что не надо...

— Роза! Ты слышишь меня или нет? Сядь, посмотри на меня! Ну же?

— Да, я слышу, слышу... Так две котлетки или три?

— Сядь! Сядь, я сказал! Отойди от плиты!

Наконец она услышала, как раздраженно и резко звучит его голос, и фраза «я от тебя ухожу» наконец дошла до ее сознания. Особенно больно было где-то в левой части груди, и не хватало воздуха, и невозможно было ни одного слова произнести... Да и не надо было ничего произносить, потому что достаточно было глянуть любимому мужу в лицо... В его злые глаза... Ставшие в одночасье не просто злыми, а ненави-

дящими. Презирающими. Отторгающими. Даже какая-то брезгливость в них была, будто он больше ни минуты не мог находиться с ней рядом, дышать одним воздухом...

— Я ничего из дома не возьму, Роза, только свои личные вещи. Квартиру я оставляю тебе и дочери. Все. И не ищи меня, не надо. Так будет лучше. Ну, чего ты молчишь? Я надеюсь, ты меня поняла наконец?

Она странно повела головой — то ли кивнула, то ли хотела показать: нет, мол, совсем ничего не поняла... Ну почему, почему она ничего не понимает? Всегда ведь его понимала с полуслова, с полувзгляда...

— Ты хочешь у меня что-то спросить, да, Роза? — напряженно сказал любимый муж. — Ты хочешь спросить, буду ли я поддерживать отношения с дочерью, правильно?

На сей раз она кивнула. Будто согласилась с ним — да, именно это я и хочу спросить. Хотя ничего такого спрашивать и не думала. То есть вообще никаких вопросов задавать не собиралась. Какие такие вопросы, если ни жить, ни дышать от страха не можешь...

— Так вот что я хочу сказать насчет нашей дочери, Роза... Вряд ли я смогу поддерживать с ней полноценные отношения. Дело в том, что я уезжаю жить в другой город... Это очень, очень далеко отсюда... Ты для нее придумай что-нибудь соответствующее потом. Ну, чтобы психику не травмировать. Детская память как пластилин, что

вылепишь из нее, то и получишь... Нет, я не говорю, что совсем отказываюсь помогать... Буду помогать, конечно. Как смогу. А когда Соня вырастет, пусть сама решит, будет поддерживать отношения с отцом или нет. Вот, собственно, и все, что я хотел сказать... Я иду собирать вещи, Роза. Ты поняла, надеюсь, что на квартиру я не претендую?

Роза удивилась его словам, сказанным не без гордости — вот, мол, какой я благородный. Квартиру жене и дочери оставляю. Но ведь и без благородства эта квартира ей принадлежит... Двухкомнатный кооператив — ее наследство после смерти родителей... Любимый муж к ней сюда жить пришел. Вместе со своим любопытством к ее прошлой жизни. К ее маленьким тайнам. К ее женским секретам. К ее физиологии. К ее душе, наконец. К душе, которую забрал себе полностью. Да, о ней можно сказать — полюбила его всей душой. Преподнесла ее на тарелочке с голубой каемочкой. На, бери. Вот он и взял...

Муж ушел, а Роза опустилась на дно реки. Поплыла. Вся остальная жизнь происходила там, на берегах, а она плыла. Люди смотрели на нее, будто она тоже живет на берегу, но Роза-то знала, что это не так... И никому про себя ничего не рассказывала. Надо было жить, вернее, притворяться живой, надо было растить Соньку. А рассказать про свою беду кому-то очень хотелось... Но, как оказалось, некому было. Время ее всепоглощающего замужества уничтожило всех подруг, и родственников тоже практически не оста-

лось — два месяца назад умерла тетка в деревне, отписав ей дом, и надо было еще собраться да в ту деревню поехать, чтобы оформить все документы. Да и зачем ей дом в деревне — одной? Разве что продать, но много из этого предприятия не выручишь...

Однажды вместе с ней в подъезд зашла незнакомая женщина, но поздоровалась так, будто они были давно знакомы. Роза глянула на нее удивленно, ответила на приветствие с дежурной улыбкой. А женщина быстро пояснила:

— Я ваша новая соседка, квартира этажом ниже... Меня Лидой зовут.

— Очень приятно. А меня — Розой.

— Какое красивое имя... Цветущее...

— Да какое там... — грустно улыбнулась Роза, отводя глаза.

Они вместе поднимались по лестнице — новая знакомая Лида впереди, Роза сзади. Вдруг Лида остановилась и обернулась всем корпусом к Розе, как бы преграждая ей дорогу, и заговорила быстро:

— Вы извините меня, конечно, что я лезу не в свое дело... Просто хочу спросить... У вас, наверное, случилось что-нибудь, да? Что-то очень плохое?

— С чего вы взяли? — натужно улыбнулась Роза.

— Так видно же... Я часто с вами здороваюсь, а вы каждый раз отвечаете так, будто сильно этому удивляетесь... Будто впервые меня видите...

— Да? Что ж, тогда простите мне мою рассеянность. Я в последнее время и впрямь немного не в себе... Хожу и ничего не вижу вокруг...

Роза поняла, что сейчас разрыдается, не красиво, навзрыд, прямо на лестничной клетке. Увидела это и новая знакомая Лида и проговорила быстро:

— А хотите черешневого компота, а? Холодненького? Я только сегодня банку открыла! Пойдемте, я вас угощу! Тем более мы уже пришли!

Роза кивнула и сглотнула горький слезный комок. Вовсе она не хотела никакого черешневого компота, но, если бы не кивнула, точно бы разрыдалась. А Лида тем временем достала из сумки ключи и уже шагнула к своей двери, открыла ее быстро, крикнув куда-то в глубь квартиры:

— Вадик, это я! Вернее, это мы с тетей Розой! Она этажом выше живет!

Потом Лида обернулась к ней, энергично махнула ладонью:

— Заходите, Роза! Заходите, с сыном вас познакомлю!

Вадик оказался белобрысым тихим мальчишкой примерно одного с Сонькой возраста. Вышел в прихожую, кивнул ей вежливо, только что ножкой не шаркнул. Пока она снимала обувь, Лида спросила у сына быстро:

— Ты голодный небось?

— Нет. Я поел.

— Разогревал?

— Конечно, мама. И посуду потом помыл.

— Молодец... Иди к себе, мы с тетей Розой на кухне посидим.

— Какой он у вас послушный мальчик... Даже посуду помыл... — удивленно произнесла Роза, глядя в спину уходящему Вадику. — А мою Сонечку и не допросишься что-нибудь сделать... И дома ее не удержишь... Никакого сладу с ней нет!

— Да ваша Сонечка — просто прелесть! Такая живая, такая прыгучая вся! А красавица какая — глаз не оторвешь! Я даже Вадику своему говорила — посмотри, мол, какая девочка... Пойди, познакомься... Да только где там! Слишком уж он у меня стеснительный! Да, вашу дочку я уж давно заприметила!

— Правда? А когда вы к нам сюда переехали?

— Так уж два месяца как... Я ж вам говорю — чуть не каждый день с вами здороваюсь, а вы каждый раз удивляетесь и будто вздрагиваете от неожиданности... И я каждый раз думаю — у этой женщины какое-то большое горе случилось... Ходит как в воду опущенная.

— Да, Лида, у меня случилось. Вы правы. Именно так — в воду... От меня ведь муж ушел...

— Тю! Тоже мне, нашла горе! Что ж теперь, жизнь свою отменить из-за этого? Лечь да помереть? Да щас, ага! От меня вон тоже муж ушел, да еще и квартиру заставил разменять! Была хорошая большая квартира в центре, а теперь мы с Вадиком оказались в этой двушке! Хорошо хоть, район не самый плохой! Вот это горе так горе, если уж смотреть на эту ситуацию именно